

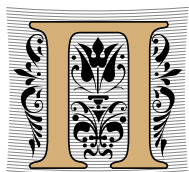

Исторический вестник. 2022. Т. XLI

DOI: 10.35549/HR.2022.2022.41.006

Д.Е. Мишин

ВЗАИМНОЕ ВОСПРИЯТИЕ АРАБОВ И ПЕРСОВ В ДОИСЛАМСКУЮ ЭПОХУ

Представления народов друг о друге — настолько распространенное явление, что эта тема, будучи достаточно древней, едва ли когда-нибудь потеряет актуальность. Многие из нас сталкивались в жизни с ситуациями, когда люди не только имеют такие представления, но и руководствуются ими в своих действиях. Следовательно, представления о других народах заслуживают внимания уже потому, что их изучение помогает понять социальную мотивацию, т.е. побудительные мотивы людей к действию, объяснение которых во многом составляет задачу историка. Исследование истории Ближнего и Среднего Востока в этом отношении — не исключение; примером тому можно считать работу У.В. Хаарманна, в которой представлен разбор представлений арабов о тюрках и турках за время от Аббасидского халифата до наших дней¹.

¹ Haarmann U.W. Ideology and History, Identity and Alterity: The Arab Image of the Turk from the Abbasids to Modern Egypt // International Journal of Middle East Studies, Vol. 20, No. 2 (May, 1988). P. 175–196.

В случае, рассматриваемом здесь, проблема взаимного восприятия арабов² и персов имеет особое значение. Большинство имеющейся у нас информации относится к последним десятилетиям доисламской эпохи, т.е. ко времени, непосредственно предшествующему тому, когда произошло прямое столкновение арабов с Сасанидской державой, увенчавшееся завоеванием ими Ирана. Крайне интересно представить себе, как стороны этого противостояния смотрели друг на друга незадолго до его начала.

Геополитическое положение было в то время таково. Сасаниды, разгромив в первой трети III в. парфянское царство Аршакидов, приобрели его владения. На юго-западе естественным рубежом новой державы стал Евфрат, рядом с которым стояли крепости с сасанидскими гарнизонами. За ними в сторону Аравии простирались земли арабских племен. В Аравии Сасаниды так или иначе контролировали побережье области Бахрейна³, Омана и Йемена. В качестве проводников своей политики среди племен Аравии Сасаниды активно использовали подчиненных им арабских вождей — в первую очередь лахмидских царей Хиры, но также и некоторых других, в частности аздитских правителей Омана. В ключевых пунктах, таких как Хира, аз-Зара в области Бахрейна, Сухар в Омане и Зафар в Йемене, стояли сасанидские войска.

Уже само то, что зона контактов была столь широка, создавало условия для их развития. Но заинтересованность в развитии отношений у арабов и персов была различной. Арабы Аравийского полуострова жили в условиях ограниченности природных ресурсов; засуха грозила им сокращением пастбищ, падением поголовья верблюдов и овец и, как следствие, голодом. Чтобы избежать его, арабы закупали продовольствие в византийских и сасанидских владениях, а в некоторых случаях шли на крайние меры. Во время очередного голода, пришедшегося примерно на вторую половину третьего десятилетия VII в., Хаджиб, вождь племени бану Тамим, просил царя Хосрова II Парвиза (591–628) разрешить его соплеменникам на вре-

² Следует оговориться, что в силу специфики дошедших до нас источников мы можем говорить только об одной группе арабов той эпохи, а именно об арабах Аравийского полуострова и прилегающих к нему земель Ирака, прежде всего области современной Куфы, где находилась Хира — столица Лакмидов (о них см. в тексте). В силу недостатка сведений нет возможности говорить (в разрезе рассматриваемой темы) об арабах, которые еще в доисламское время ушли на север, в прилегающие к Тигру области Месопотамии.

³ Несмотря на звуковое сходство эту область нельзя отождествлять с современным Бахрейном. В те годы она охватывала территории от места, где впоследствии была построена Басра, до Омана.

мя переселиться в сасанидские владения. Это разрешение было дано под личное поручительство Хаджиба⁴.

Со стороны Сасанидов интерес к аравийским делам был в целом невелик. Держа под контролем ключевые пункты, Сасаниды считали это достаточным и не пытались присоединить Аравию к своим владениям. Идея подчинить внутренние области Аравии с их трудными природными условиями мало привлекала сасанидскую аристократию. В первой половине VI в. царь Хосров I Ануширван (531–579) отправил войско на помощь изгнанному арабскому царевичу Абу-л-Джабру из племени бану Кинда. Уже в начале похода командовавшие войском сасанидские вельможи, страдая от жары и недостатка воды, отравили Абу-л-Джабра и заявили, что пустят к нему врача только после того, как он напишет царю, что более не нуждается в их помощи и они могут вернуться домой⁵.

Тем не менее арабы и персы имели достаточно возможностей познакомиться друг с другом. Войска Лахмидов, усиленные отрядами из подчиненных им арабских племен, вместе с персами участвовали в войнах, которые Сасаниды вели на Евфрате, против Римской империи, а затем Византии. Лахмидский правитель ежегодно ездил к сасанидскому царю и, вероятно, брал с собой представителей хирской и племенной знати⁶. Из истории хирского сановника и поэта конца VI в. Ади ибн Зайда мы узнаем, что сасанидский царь держал переводчиков, занимавшихся перепиской с правителями арабов⁷. Известны рассказы о том, как в одном случае знаменитый поэт доисламского времени Маймун Подслеповатый (*al-A'shā*), а в другом — Талха ибн Хувайлид (известный как лжепророк, который впоследствии потерпел поражение от войск выдающегося мусульманского полководца Халида ибн ал-Валида, а затем принял ислам) были на приеме у Хосрова II⁸. О другом человеке, которого мусульмане

⁴ Мишин Д.Е. Арабы-зороастрийцы в доисламской Аравии // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2021. № 1. С. 7–8, 10–11.

⁵ Мишин Д.Е. Киндитский царевич Абӯ-ль-Джабр и сасанидский царь Хосров I Ануширван // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2019. № 1. С. 78–79.

⁶ Сведения об этих поездках разобраны автором этих строк в монографии об истории Лахмидов (Мишин Д.Е. История государства Лахмидов. М.: ООО «Садра», 2017. С. 242).

⁷ Китаб ал-агани ли ... Аби-л-Фарадж ал-Исфахани. Изд. А. аш-Шинкити. Каир, 1905. Ч. 2. С. 27. Ср. *Annales quos scripsit ... at-Tabari*. Ed. M.J. De Goeje et al. Prima series. II. Rec. J. Barth, Th. Nöldeke. Lugduni Batavorum, 1881–1882. P. 1024.

⁸ Мишин Д.Е. «Культурный шок» в отношениях арабов и персов в доисламскую эпоху // Восточная Европа в древности и Средневековье. Вып. XXXIV. Межэтнические контакты в социокультурном процессе. М.: Российская академия наук. Институт всеобщей истории, 2022. 190–194.

считают лжепророком, Мусайлиме, сообщается, что до того, как начать проповедовать, он ездил по рынкам, на которых собирались арабы и персы; то были рынки в Убулле, Бакке, ал-Анбаре и Хире⁹. Еще одним рынком, на котором арабы встречались с персами, был рынок в ал-Мушаккаре (область Бахрейна), упоминаемый в источниках в числе ярмарок доисламского времени¹⁰. В некоторых случаях арабы перенимали и элементы персидской культуры. В период с 30-х гг. VI в. по начало 30-х гг. VII в. племенем бану Дарим, входившим в состав упомянутого выше племени бану Тамим, правили арабские приверженцы зороастризма¹¹. В начале VII в. один из курейшитов, не раз побывав в Хире, запомнил много историй об иранских царях, а также о легендарных богатырях Рустаме и Спандияде, которые затем пересказывал соплеменникам¹².

Даже военное противостояние приводило в некоторых случаях к тому, что арабы и персы накапливали сведения друг о друге. В стихах доисламских поэтов Абу Дуада ал-Ийади и упомянутого выше Маймуна Подслеповатого мы находим упоминания о том, что арабы (бану Ийад в первом случае и бану Шайбан во втором) сражались против *banū al-ahrār*¹³. Данное выражение по-арабски буквально означает «сыновья свободных людей». Эти «свободные люди» — те, кого в Сасанидской державе называли *āzādān* (букв. — «свободные»), т.е. дворяне, не принадлежавшие к высшей знати и составлявшие основу конницы в войске. Тем самым термин *āzādān* был известен арабам, которые переработали его на свой лад.

Итак, арабы и персы имели достаточно сведений, чтобы у них сложились представления друг о друге. Но попытки реконструировать эти представления встречают на своем пути то препятствие, что имеющиеся в нашем распоряжении источники созданы намного позднее рассматриваемой эпохи и вполне могут отражать, скорее, идеи более поздних

⁹ Китаб ал-хайаван. Талиф Аби Усман ... ал-Джахиз. Изд. А.М. Харун. Б.м.: Шарикат мактабат ва матбаат Мустафа ал-Баби ал-Халаби ва авлади-хи би Миср, 1965. Ч. 3, с. 369; ат-Тазкира ал-хамдунийа. Тасниф Ибн Хамдун. Изд. И. Аббас, Б. Аббас. Бейрут: Дар Садир, 1996. Т. 7. С. 352.

¹⁰ Китаб ал-азмина ва-л-амкина. Талиф ... ал-Марзуки. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмийа, 1996. С. 383; Китаб ал-мухаббар ли ... Мухаммад бин Хабиб. Изд. I. Lichtenstädter. Хайдарабад: Даират ал-маариф ал-усманийа, 1942. С. 265.

¹¹ Мишин Д.Е. Арабы-зороастрийцы в доисламской Аравии // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2021. № 1. С. 3–17.

¹² Сират ан-наби ли ... Ибн Хишам. Изд. М.Ф. ас-Сайид. Танта: Дар ас-сахаба ли-т-турас би Танта, 1995. Т. 1. С. 377, 449.

¹³ Gedichte von Abū Baṣīr Maimūn Ibn Qais al-ʿAṣā. Hrsg. R. Geyer. London: Luzac & Co., 1928. S. 182; von Grünebaum G. Дирасат фи ал-адаб ал-араби / Пер. И. Аббас, А. Фариha, М.Ю. Наджм, К. Йазиджи. Бейрут: Дар ал-хайат, 1959. С. 310.

времен. Так, до нас дошел восходящий к известному средневековому знатоку древностей Хишаму ибн Мухаммаду ал-Калби (известному также как Ибн ал-Калби, род. ок. 737 г., ум. в 819/20 или 821/22 г.) рассказ о том, что однажды, когда последний лахмидский правитель Хиры ан-Нуман III (579–601) приехал к сасанидскому царю Хосрову II Парвизу, тот весьма неприязненно высказался об арабах, заявив, что они низкие по своему общественному положению люди, которые из бедности убивают детей¹⁴, пожирают¹⁵ один другого и питаются отвратительным мясом верблюдов. В ответ на это ан-Нуман в следующий раз явился к Хосрову с несколькими арабскими мудрецами и ораторами; каждый из них сказал речь, и царь положительно отозвался об арабах, изменив свое мнение о них¹⁶. В близком по сюжету рассказе, восходящем к ал-Хайсаму ибн Ади (род. в 738 г., ум. между 820 и 826 гг.), персы наговаривают Хосрову на арабов, утверждая, что они лишены разума, не имеют Священного Писания и поклоняются камням. Хосров затребовал у ан-Нумана III сборник арабских мудростей и, получив его, убедился, что у арабов есть высокая культура¹⁷.

Другой рассказ, в котором арабы предстают в крайне невыгодном свете, относится к немного более раннему периоду. Согласно ему Хосров II, совсем недавно провозглашенный царем после свержения его отца Хормузда IV (579–591), боролся за власть с полководцем Варахраном Чобином, который поднял мятеж и со своим войском двинулся на столицу Сасанидской державы — Ктесифон (591 г.). Потерпев поражение, Хосров бежал в столицу, где явился к содержавшемуся во дворце Хормузду. Во время их разговора Хосров в частности спросил, не стоит ли ему теперь бежать к царю Хиры. Хормузд ответил, что у ан-Нумана нет никакого имущества, которое он мог бы дать Хосрову; более того, лахмидский

¹⁴ Судя по всему, речь идет о *вад-е* (ар. *wa'd*) — обычае закапывать в землю живьем новорожденных девочек. Этот доисламский обычай прямо запрещен в Коране (сура 17, аят 33(31), по переводу И.Ю. Крачковского: «И не убивайте ваших детей из боязни обеднения» (Коран. Пер. И.Ю. Крачковского. М.: СП ИКПА, 1990. С. 235)). Объяснение данного обычая боязнью обеднения встречается и в исторических источниках (см., напр., Ат-Тазкира... Т. 7. С. 330–331).

¹⁵ Речь, конечно, не идет о каннибализме. Арабский глагол *akala* (букв. — «есть», «пожирать») здесь означает «грабить» (ср. *piller* в: Dozy R. Supplément aux dictionnaires arabes. Leyde: E.-J. Brill, Paris: G.-P. Maisonneuve et Larose, 1967. Т. I. Р. 31).

¹⁶ Китаб ал-икд ал-фарид. Талиф ... бин Абд Раббихи. Изд. А. Амин, А. аз-Зайн, И. ал-Абйари. Каир: Матбаат Ладжнат ат-талиф ва-т-тарджама ва-н-нашр, 1965. Ч. 2. С. 4–19; Ат-Тазкира... Т. 7. С. 404–413.

¹⁷ Ат-Тазкира... Т. 7. С. 403–405.

правитель и его подданные — воры и разбойники и безразличны к сасанидской царской власти¹⁸.

Обратим внимание, что в двух из рассмотренных выше рассказов говорится о бедности арабов. Этот мотив мы встречаем и в одном, имевшем хождение в исламское время анекдоте об арабе, который принес сасанидскому царю хорошие вести. Обрадованный царь спросил, чего он хочет в награду; араб ответил: восемьдесят (или, согласно одной передаче, сто) овец¹⁹. Нетрудно понять, что этот анекдот призван подчеркнуть убожество запросов пустынного скотовода, предел мечтаний которого не выходил за сотню овец (хотя царь, разумеется, мог пожаловать ему на много больше).

Сообщения, на которые мы указали выше, — скорее легенды, чем исторические известия. Нельзя поручиться за то, что их персонажи действительно говорили приписываемые им слова; во всяком случае трудно доказать, что рассказы восходят к доисламскому времени. Один из передатчиков рассказа о поездке ан-Нумана, Ибн Хамдун (1102–1166/67), считал данный текст сфабрированным²⁰. Тональность сообщений наводит на мысль о том, что они имели хождение и, вероятно, были созданы в окончательном виде во времена противостояния сторонников *шуубийи*, от-

¹⁸ Самый ранний источник, в котором приводится данный рассказ — «История Балами» (середина X в.), сокращенный персидский перевод свода ат-Табари (839–922/3) с рядом добавлений. Как ни странно, рассматриваемый фрагмент отсутствует в обычно используемом издании М.Т. Бахара и М.П. Гунабади (Тарих-и-Балами. Изд. М.Т. Бахар «Малик аш-шуара», М.П. Гунабади. Тегеран: Китабфоруши-и-Завар, 1974. С. 1082). Однако его можно найти в более ранних изданиях «Истории Балами» (Тарджоме-и-тарих-и-Табари аз ... Балами (кисмат-и-марбут бе-Иран). Изд. М.Дж. Машкур. Тегеран: Китабфоруши-и-Хайям, 1959. С. 200–201; Тарих-и-Табари. Канпур, 1874. С. 352; Тарих-и-Табари. Канпур, 1914. С. 352), и это позволяет считать, что он является частью текста источника. Кроме Балами рассказ приводит и знаменитый поэт Фирдоуси (род. в 940 или 941 г., ум. в 1020 г.), который несколько по-другому передает сведения первоисточника: Хормузд говорит, что арабы не станут сторонниками Хосрова, ибо не видели от него ни хорошего, ни дурного, никак не привязаны к его роду и выдадут его врагам в обмен на что-нибудь (Шахнамэ-йе-Фирдоуси. Изд. С. Нафиси. Тегеран: Берухим, 1935. С. 2713).

¹⁹ Наиболее ранняя известная передача этого анекдота — у Абу Убайда ал-Касима ибн Саллама (770–838/39), который ссылается на своего современника Йахйу ибн Зийада (ум. в 822/23), известного по прозвищу «Скорняк» (*al-Farrāʿ*) (Китаб ал-амсал. Талиф ... Аби Убайд ал-Касим бин Саллам. Изд. А. Кутамиш. Дамаск: Дар ал-Мамун ли-т-турас, 1980. С. 365). См. также: Ад-Дурра ал-фахира фи ал-амсал ас-саира ли ... Хамза ... ал-Исфахани. Изд. А. Кутамиш. Каир: Дар ал-маариф, 1972. С. 148; Китаб ал-амсал. Хайдерабад: Матбаат Маджлис Даират ал-маариф ал-усманийа, 1932. С. 8.

²⁰ Ат-Тазкира... Т. 7. С. 405.

стаивавших равенство арабов и других народов (прежде всего персов), и арабов-приверженцев *асабийи*, которые защищали интересы соплеменников; рассказ о Хормузде и Хосрове отражал позицию первых, известия об ан-Нумане — вторых.

Но и видеть в этих рассказах откровенную фальшивку едва ли правильно. В свите лахмидского правителя к сасанидскому царю приезжали разные люди; именно так, например, к Хосрову I Ануширвану (531–579) явился Сайф ибн зи Йазан, вдохновитель сасанидского завоевания Йемена²¹. По истории христиан Сасанидской державы мы знаем, что в некоторых случаях цари, желая понять суть их вероучения, велели изложить его письменно²². Хосров II поступил именно так, как в рассказе ему советовал Хормуз, и обратился за помощью к византийскому императору Маврикию (582–602), а не к лахмидскому правителю²³.

Другой важный аспект состоит в том, что рассматриваемые рассказы — при всей значительной доле вымысла в них — не кажутся только вымыслом; их герои ведут себя в соответствии не столько с авторской фантазией, сколько с бытовавшими в обществе представлениями о том, как они действовали или должны были действовать в таких ситуациях. Эти представления в свою очередь восходили к исторической памяти. Поэтому мотивы рассматриваемых рассказов созвучны тем, что мы обнаруживаем в других источниках. Например, отмеченный выше мотив бедности арабов не раз встречается в рассказах о переговорах между мусульманами и персами перед знаменитым и во многом судьбоносным сражением при ал-Кадисийе. В источниках слова персов об этом, обращенные к посланцам мусульман, вкладываются в уста разных исторических персонажей.

²¹ Annales ... 1881–1882. P. 946; Сират... Т. 1. С. 105.

²² Данный вопрос заслуживает отдельного исследования, предмет которого выходит за рамки настоящей работы. В качестве доказательства высказанного в тексте тезиса скажем лишь, что известен текст одного такого изложения вероучения, составленного несторианскими богословами в 613 г. (Synodicon orientale ou Recueil des synodes nestoriens. Pub. et tr. J.-B. Chabot. Paris, 1902. P. 562–598).

²³ Это решение не было самоочевидным. Когда в конце 420 г. вельможи отказались возводить на престол кого-либо из сыновей только что умершего Ездигерда I (400–420), один из них, Варахран, совершил поход на Ктесифон с войсками правителя Хиры и в итоге пришел к власти, став царем Варахраном V. Напротив, когда в 20-е гг. VI в. сасанидский царь Кавад просил византийского императора Юстина I (518–527) формально усыновить Хосрова (будущего Хосрова I Ануширвана) и стать таким образом гарантом прав последнего на наследование престола, в ответ был получен отказ. Таким образом, исторический опыт должен был говорить и Хормузд IV, и его сыну, что следует опираться на лахмидских арабов, а не на Византию.

Монета Хосрова II Парвиза

Ал-Балазури (ум. ок. 892 г.). Рустам, командующий сасанидским войском: «Понял я, что к тому, что вы делаете, привело вас не что иное, как нищета и тяготы; мы же дадим вам то, чем вы насытитесь, и отпустим назад кое с чем из того, что вы любите»²⁴.

Абу Ханифа ад-Динавари (ум. в конце IX или начале X в.). Рустам: «Аллах сделал великой царскую власть нашу, даровал нам победу над народами, подчинил нам части света и поставил жителей различных земель в униженное положение перед нами. Для нас не было на земле более малосильного народа, чем вы, ибо вас мало, вы унижены, а земля ваша неплодородна; живете вы в нищете. Что привело вас к тому, чтобы вторгнуться в нашу страну? Если было это из-за засухи, которая случилась у вас, то мы щедро одарим вас и облагодетельствуем. Возвращайтесь же в страну вашу!»²⁵

Ат-Табари (838/9–922/3). Сасанидский царь Ездигерд III (632–651): «Не знаю я на земле ни одного народа более бедного, малочисленного, злого и враждебного, чем вы. Прежде давали мы вам в управление окраинные селения, и это избавляло нас от того, чтобы заниматься вами. Персы не нападали на вас, и вы не стремились противостоять им. Если вы размножились, то да не заставит вас это перемениться по отношению к нам. Если же вас привела нужда, то мы предоставим вам продовольствие так, что будет вам изобилие, обласкаем предводителей ваших, оденем вас и поставим над вами царя, который будет добр к вам»²⁶.

²⁴ Футух ал-булдан. Тасниф ... ал-Балазури. Изд. А.А. ат-Табба. Бейрут: Муассасат ал-маариф ли-т-тибаа ва-н-нашр, 1987. С. 358.

²⁵ Ал-Ахбар ат-тивал. Талиф Аби Ханифа ... ад-Динавари. Изд. А. Амир. Каир: Визарат ас-сакафа ва-л-иршад ал-кауми, ал-Идара ал-амма ли-с-сакафа, 1960. С. 120–121.

²⁶ Annales quos scripsit ... at-Tabari. Ed. M.J. De Goeje et al. Prima series. IV. Rec. P. De Jong, E. Prym. Lugduni Batavorum, 1890. P. 2240–2241.

Ал-Куфи (ум. в 926/7 г.). Ездигерд III: «Вы, арабы, приезжали в эту страну, принадлежащую нам, как посланцы, купцы и путники. Мы относились к вам хорошо, и вы ели пищу нашу, пили приятное [на вкус] питье наше, одевались в мягкие одежды наши. Но затем вы позавидовали нам в этом, отправились за своими и явились с ними, чтобы напасть на нас, пребывающих в благоденствии, и противостоять царской власти нашей... Знаю я, что к тому, чтобы вторгнуться в страну нашу, привели вас голод, лишения, бедствия и тяготы. Если это так, дайте мне знать, и я облагодетельствую вас, сделаю так, что будут верблюды ваши нагружены продовольствием, одеждой и припасами, постараюсь для вас, и отправитесь вы в страну свою целыми и невредимыми»²⁷.

Ал-Масуди (ум. в 956/7 г.). Ездигерд III: «Вас, арабов, поразили тяготы. Если вы пожелаете, мы снабдим вас продовольствием, и вы вернетесь [к себе]»²⁸.

Известия мусульманских авторов о событиях, связанных с завоеванием сасанидских владений, так или иначе восходят к очевидцам этих событий, поэтому можно предполагать, что слова, подобные приведенным выше, с персидской стороны были сказаны. Если исходить из этого, получается, что сасанидский царь и его сановники не только держались представлений об арабах как о людях, живших в бедности и лишениях и шедших на войну, чтобы поправить свое имущественное положение, но и строили на таких идеях свою переговорную позицию, фактически предлагая выкуп. Интересно, что в другом фрагменте, который тоже относится к переговорам перед битвой при ал-Кадисийе, персы, согласно ат-Табари, пытаются на встрече подчеркнуть свое превосходство над арабами в имущественном отношении с помощью роскошного убранства:

«Рустам стал просить у вельмож Персии совета, говоря: “Каково мнение ваше, покажем ли мы им роскошь нашу, выкажем ли к ним пренебрежение?” И все они решили выказать пренебрежение [к арабам]. Они выставили на вид украшения и убранство, расстелили ковры и разложили подушки, не оставив [в запасе] ничего. Для Рустама поставили золотой трон, который был украшен покрывалами и подушками, расшитыми золотом»²⁹.

²⁷ Китаб ал-футух ли ... ал-Куфи. Изд. А. Шири. Бейрут: Дар ал-адва ли-т-тибаа ва-н-нашр ва-т-тавзи, 1991. Ч. 1. С. 156–157.

²⁸ Maçoudi. Les prairies d'or. T. IV. Texte et trad. C. Barbier de Meynard. Paris, 1865. P. 232.

²⁹ Annales quos scripsit ... at-Tabari. Ed. M.J. De Goeje et al. Prima series. V. Rec. E. Prym. Lugduni Batavorum, 1893. P. 2270. Аналогичный сюжет присутствует у ал-Масуди, у которого, однако, посланника арабов принимает царь Ездигерд III (Maçoudi. Les prairies... P. 231–232).

Монета Ездигерда III

Показательны и действия мусульманского посланника, которые далее в том же рассказе описываются так:

«Когда он³⁰ прибыл к царю³¹ и доехал до него, достигнув ближайшего ковра, ему сказали: “Сойди [с коня]”. Но он погнал свою кобылу на ковер, и, когда она встала на нем, спустился с нее. Он привязал ее к двум подушкам, которые рассек, продев через них веревку; воспрепятствовать ему [в этом] не смогли. Они выказали пренебрежение, и он, поняв их желание, захотел позлить³² их ... Они сказали ему: “Оставь оружие”. Он же сказал: “Не для того я приехал к вам, чтобы оставить оружие по приказу вашему. Вы пригласили меня, так что либо согласитесь вы, что я прибуду к вам так, как сам хочу, либо я вернусь”. [Об этом] доложили Рустаму, и он сказал: “Позвольте ему; разве это не всего лишь один человек?” И он (Риби. — Д.М.) пошел вперед, опираясь при ходьбе на копье с острым наконечником, которым пробивал подушки и ковры, так что не оставил им ни одной подушки и ни одного ковра, не попортив их, не разорвав и не проткнув»³³.

Смысл действий сторон очевиден. Рустам и его приближенные стремятся подчеркнуть богатство персов и, в противоположность ему, бедность и ущербность арабов, которые не в состоянии оказать послу такой прием. Поняв это, посланник арабов демонстративно приводит в негодность убранство персов, показывая тем самым, что не намерен соглашаться с их притязаниями на превосходство, основанными на богатстве.

³⁰ Мусульманский посланник Риби ибн Амир.

³¹ Так буквально в тексте (*al-malik*).

³² Перевод арабского *fa arāda istihrādja-hum* здесь основан на значении корня *ḥ.r.dj* как *se fâcher, se mettre en colère* (Dozy R. Supplément... T. I. P. 267).

³³ Annales... 1893. P. 2270–2271.

Некоторые данные позволяют предполагать, что в глазах сасанидской знати арабы доисламского времени были не только бедным, но и в определенном смысле диким народом, чуждым утонченной жизни цивилизованного общества. Показателен в этом отношении один эпизод из жизни упомянутого выше Ади ибн Зайда, в котором он, будучи переводчиком Хосрова I Ануширвана с арабского языка, представил сасанидскому царю молодых Лахмидов — кандидатов на хирский престол, освободившийся после смерти царя ал-Мунзира IV (574–578). Решающее слово в определении того, кто станет новым правителем Хиры, принадлежало сасанидскому царю, и поэтому для кандидатов было очень важно произвести на него хорошее впечатление. В источниках сохранился рассказ о том, как Ади ибн Зайд наставлял лахмидских царевичей, причем тайно вел дело к избранию одного из них, ан-Нумана, воспитателем которого прежде был:

«Он (Ади. — Д.М.) встречался с каждым из них наедине и говорил: “Когда я введу вас к царю, облачитесь в самые роскошные и красивые одеяния ваши. А когда он пригласит вас на трапезу, чтобы вы поели, ешьте медленно, мало и мелкими кусками”. ... Они приняли от него [эти советы]. Он же уединился с ан-Нуманом и сказал ему: “Надень дорожную одежду, войди [к царю] с мечом на поясе, а когда сядешь есть [с ним], ешь большими кусками, быстро жуй и плотай. Ешь много, а до этого поголодай. Ведь Хосрову нравится, когда именно арабы много едят; он считает, что нет ничего хорошего в таком арабе, который не охоч до еды и не прожорлив — особенно тогда, когда видит не свойственную ему пищу и не такую, к какой привык”»³⁴.

Советы Ади ибн Зайда оказались верными, и Хосров сделал выбор в пользу ан-Нумана. Автор этих строк коснулся данного эпизода в монографии об истории Лахмидов³⁵, однако здесь имеет смысл остановиться на нем подробнее. В общении с сасанидским царем и то, что могло бы показаться мелочью, имело значение; по таким вещам судили о человеке. Известен рассказ о том, как в правление Шапура II (309/10–379/80) умер *мобедан-мобед* — верховный зороастрийский священнослужитель Сасанидской державы. Шапуру порекомендовали кандидата на освободившееся место; этот человек по приказу царя прибыл из Истахра. Во время трапезы Шапур разрезал надвое курицу, половину отдал кандидату,

³⁴ Китаб ал-агани ... Ч. 2. С. 20–21. Ср. Китаб ал-манакиб ал-мазйадийа фи ахбар ал-мулук ал-асадийа. Талиф ... ал-Хилли. Изд. С.М. Дарадика, М.А. Харисат. Амман: Мактабат ар-рисала ал-хадиса, 1984. С. 387–388.

³⁵ Мишин Д.Е. История... С. 269.

Монета Шапура II

а другую стал объедать сам. Кандидат закончил свою половину курицы прежде Шапура и потянулся к другому угощению. Это решило его судьбу: Шапур счел, что тот, кто жадно ест в присутствии царя, будет проявлять жадность и в общественных делах, и отправил его обратно в Истахр³⁶. Но то, что было непростительным для *мобедан-мобеда*, применительно к арабу рассматривалось как вполне естественное: считалось, что он живет «среди дикой природы», вдали от городской цивилизации и двора с их утонченным укладом, и чужд всему этому. В рамках этих представлений араб должен был вести себя просто и естественно, есть много, как и подобает человеку, который много двигается и занимается физической деятельностью куда больше, чем умственной. О правителе арабов Хосров, вероятно, думал, что он должен быть таким же, как его подданные; только тогда он сможет успешно управлять ими. Судя по всему, Ади ибн Зайд, общаясь с сасанидским царем, заметил, что он придерживается такого мнения, и своими советами помог ан-Нуману сделаться самым подходящим кандидатом на хирский престол.

На отношение персов или по крайней мере персидской знати к арабам немалое влияние, вероятно, оказывал религиозный вопрос. Излишне говорить, что в древние времена и Средневековье отношение людей друг к другу во многом определялось их религиозной принадлежностью. В этом отношении зороастризм, который во многом оценивал человека по тому, какую позицию тот занимал в противоборстве Ахурамазды и Ахримана, добра и зла, в целом неприязненно относился к другим верованиям, приверженцы которых — самое меньшее — не

³⁶ Ал-Джахиз. ат-Тадж фи ахлак ал-мулук. Бейрут: Дар ал-фикр, Дар ал-бихар, 1955. С. 54–56.

способствовали победе добра. История Сасанидской державы знает масштабные религиозные преследования. Характер дошедших до нас источников таков, что мы знаем почти исключительно о преследованиях, направленных против христиан, иудеев и манихеев. Но отношение зороастрийцев к приверженцам традиционных арабских верований с их поклонением идолам было, вероятно, не лучше. В представлениях зороастрийцев капища идолов подлежали разрушению. Известный зороастрийский деятель III в. Кардир (Картир) повествует в одной из своих надписей о подавлении иноверцев (приверженцы арабских верований среди них, правда, не называются), а также о разрушении идолов и уничтожении «обитателей бесов»³⁷. В «Книге тысячи судебных решений», известной также как «Сасанидский судебник», описывается происшедший в правление Хосрова I Ануширвана случай, когда на земле, принадлежавшей частным лицам, было снесено капище, на месте которого воздвигли зороастрийское святилище огня³⁸. В позднем зороастрийском трактате «Повествование об Арда-Вирафе» его главный герой во время путешествия в мир мертвых видит там душу женщины, направляющуюся в ад за ряд грехов, одним из которых было почитание капища идолов³⁹. Эти представления должны были распространяться и на арабов. Вполне может быть, что сасанидская знать и зороастрийское духовенство связывали идолопоклонство арабов с их невежеством и дикостью, как это делает Хосров II Парвиз в разобранном выше рассказе ал-Хайсама ибн Ади.

До настоящего времени речь шла исключительно о том, какие представления об арабах были у персов. Мы можем сделать некоторые наблюдения и о том, каков был образ персов в глазах арабов. Естественно, этот образ складывался не в последнюю очередь на основе контактов арабов с сасанидскими воинами и наместниками, служившими на границе. Последние должны были охранять сасанидские владения и, в частности, не пускать туда арабов без соизволения царя. Положение дел на границе составляет отдельный предмет исследования; здесь имеет смысл сказать

³⁷ Back M. Die sassanidischen Staatsinschriften. Téhéran, Liège: Bibliothèque Pahlavi, 1978. S. 414–416; Chaumont M.-L. L'inscription de Kartīr à la «Ka'bah de Zoroastre» // Journal asiatique. T. CCXLVIII, année 1960. P. 347; Gignoux Ph. Les quatre inscriptions du mage Kirdīr. Paris: L'Association pour l'avancement des études iraniennes, 1991. P. 70.

³⁸ Периханян А.Г. Сасанидский судебник. «Книга тысячи судебных решений» (Mātakdān ī hazār dāstān). Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР, 1973. С. 417–418.

³⁹ The Book of Arda Viraf. Ed. H.J. Asa. Bombay, London, 1872. P. 98–99.

лишь то, что многие военачальники, выполняя царские повеления, вели себя с арабами весьма жестко. В исторической памяти арабов остался сасанидский военачальник, которому они — за суровые кары, налагаемые им на них — дали прозвище «Усекатель» (*al-Mukātibir*); он был известен, в частности, тем, что командовал избиением бану Тамим в крепости ал-Мушаккар (конец VI — начало VII вв.)⁴⁰. О другом военачальнике по имени Хормузд, который в 633/4 гг. сражался с Халидом ибн ал-Валидом в области Бахрейна, мы читаем:

«В обращении с арабами он был худшим из военачальников той области. Все арабы были исполнены гнева против него. О том, каким отвратительным он был, сложили поговорку, говоря: “Отвратительнее Хормузда” или “Невернее Хормузда”»⁴¹.

Другим интересным свидетельством того, какие представления о персах имели хождение среди арабов, дает отрывок из одного стиха Дурайда ибн ас-Симмы — знаменитого поэта и воителя доисламской эпохи из племени *хавазин*, который прожил весьма долгую жизнь, был одним из предводителей войска арабских племен, сражавшегося против мусульман в битве при Хунайне (630 г.), и погиб в этом сражении. Судя по тексту стиха, Дурайд сочинил его в последние годы жизни. О персах в нем говорится так:

«Горе Хосрову⁴², если всадники наши с бурыми хаттийскими⁴³ копьями будут гулять по земле его!

⁴⁰ Интересно отметить, что в источниках прозвище «Усекатель» применяется к двум разным людям. В одних рассказах это Джаванбудан, сын Друстоа (по-арабски *Djawānbūdān bin Durustuwayh*) (*The Mufaḍḍaliyyāt*. Ed. Ch.J. Lyall. Oxford: Clarendon Press, 1921. P. 709; Китаб ал-афв ва-л-итизар ли Аби-л-Хасан Мухаммад ... ал-маруф би ар-Раккам ал-басри. Изд. А. Абу Салих. Эр-Рияд: Джамиат ал-имам Мухаммад ибн Сауд ал-исламиййа, 1981. С. 431–432), в других — Азад-Пероз (или Дад-Пероз, что кажется менее вероятным), сын Гушнаспа (по-арабски *Āzād-Fayrūz bin Djušnās*) (*Annales ... 1881–1882*. P. 985–987; Китаб тарих сунни мулук ал-ард ва-л-анбийа. Талиф Хамза ... ал-Исфাহани. Berlin: Kavianī GmbH, 1921/22. С. 91). Анализ вопроса о том, какие из этих сведений в большей степени достойны доверия, выходит за рамки настоящей работы. Но очевидно, что образ «Усекателя» прочно вошел в историческую память арабов, коль скоро отождествлялся с разными людьми.

⁴¹ *Annales ... 1890*. P. 2023–2024. Ср. Маджма ал-амсал ли ... ал-Майдани. Изд. М.М. Абд ал-Хамид. Каир: Матбаат ас-сунна ал-мухаммадиййа, 1955. Ч. 2. С. 169.

⁴² В тексте стиха — *Kisrā*. Это слово — арабская передача персидского имени *Хосрой*, т.е. Хосров, в принципе могло означать сасанидского правителя вообще. Однако в данном случае речь, скорее всего, идет о современнике Дурайда Хосрове II Парвизе.

⁴³ Т.е. происходящими из ал-Хатта, как тогда называлось побережье Аравии, омываемое водами Персидского залива. «Хаттийские копья» — расхожее выражение доисламской поэзии, которое нередко означает копья вообще, независимо от места их происхождения.

Сыны Персии не соблюдают договоры, и нечем им хвалиться.

Они ходят в мягкой, приятной на ощупь парче, как девицы, вставшие утром.

[Но] в день, когда [обрушиваются] удары хаттийских копий, ты счел бы их дикими ослицами, до которых донесся голос того, кто перепугался»⁴⁴.

Вероятно, представления о том, что персы не всемогущи на поле боя, и с ними можно сражаться, подкреплялись рассказами о знаменитой битве при зу Каре (602 г.), в которой ополчение племени бану Шайбан одержало победу над сасанидским войском.

Хорошо известно, что представления о других народах часто формируются на основе их характерных, свойственных только им, обычаев, деталей быта и т.д. Для персов сасанидской эпохи своего рода визитной карточкой был обычай жениться на близких родственницах, прежде всего сестрах и дочерях (*хведода*). Для зороастрийцев этот обычай был неотъемлемой частью их жизненного уклада, но у представителей других народов вызывал удивление и неприязнь. Примерно так же обстояло дело и с арабами доисламской эпохи. Об их отношении к персидским брачным обычаям мы знаем из стиха Ауса ибн Хаджара (поэта VI в. из бану Тамим), который, осуждая в одном стихе род бану Сад ибн Малик ибн Дубайа, отметил и следующее основание для порицания:

«Персидский уклад жизни у них не отвергается, и каждый из них по отношению к отцу своему — будущий муж жены и сестры его»⁴⁵.

Таким образом, если основываться на изложенном выше, существенные черты представлений арабов и персов друг о друге выглядят примерно так. Для персов арабы в большинстве своем были своего рода людьми с периферии цивилизации, бедными, чуждыми утонченной культуре и не знавшими считавшегося единственно правильным зороастрийского вероучения, но в то же время сильными, быстрыми и расторопными. Для арабов персы были богаты, но изнежены и слабы в бою; путь к их владениям закрывали грозные наместники. Эти наблюдения кажутся очень схожими с рассуждениями Ибн Халдуна (1332–1406) об оседлых (*ḥaḍar*) и кочевниках (*badw*). В изображении Ибн Халдуна кочевники намного беднее оседлых, ибо обладают только необходимым

⁴⁴ Диван Дурайд ибн ас-Симма. Изд. У. Абд ар-Расул. Каир: Дар ал-маариф, 1985. С. 98.

⁴⁵ Диван Аус бин Хаджар. Изд. М.И. Наджм. Бейрут: Дар Сафир, 1979. С. 75.

для жизни минимумом, но храбрее и сильнее их, так как привычны к тому, чтобы защищать себя самостоятельно, не прибегая к помощи государства; оседлые, напротив, богаче, но развращены жизнью в достатке⁴⁶. Думается, что выделенные в настоящей работе представления арабов и персов друг о друге в основном (за исключением тех, которые относятся к религии) следует рассматривать именно в контексте отношений и взаимного восприятия оседлых и кочевников, древних и средневековых городских цивилизаций и «варварской» периферии. По сравнению с ними представления, основанные на религии, малозаметны, однако это следует связывать главным образом с характером дошедших до нас сообщений. В исторических повествованиях о сасанидской эпохе, да и в передаче персидских текстов мусульманские рассказчики обычно опускают малопонятные и их читателям, и им самим мотивы, связанные с другими религиями. Поэтому религиозная составляющая во взаимных представлениях арабов и персов должна была иметь место, хотя реконструировать ее довольно непросто.

Завоевание сасанидских владений мусульманами в первой половине VII в. и связанные с ним социально-культурные процессы — прежде всего переселение племен из Аравии на север и укоренение ислама в Иране — оказали большое влияние и на представления арабов и персов друг о друге. В истории развития этих представлений начался новый этап, изучение которого выходит за пределы настоящей работы. Следует, впрочем, отметить, что вопросы представлений оседлых и кочевников друг о друге не утратили своей актуальности и в исламское время.

⁴⁶ Тарих ал-аллама Ибн Халдун. Каир: Дар ал-киتاب ал-мисри, Бейрут: Дар ал-ки-
таб ал-лубнани, 1999. Т. 1. С. 210–223. Ссылка сделана на знаменитую *Мукаддиму*
(«Предисловие») — первую часть исторического свода Ибн Халдуна, в которой он
представляет свое видение общих закономерностей жизни и развития челове-
ческого общества.

REFERENCES

1. Koran / Per. I.Ju. Krachkovskogo [The Koran / Transl. by I.Ju. Krachkovskij]. Moscow: SP IKPA, 1990.
2. *Mishin D.Ye.* Araby-zoroastrijcy v doislamskoj Aravii [Zoroastrian Arabs in Pre-Islamic Arabia] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie. 2021. No. 1. P. 3–17.
3. *Mishin D.Ye.* Istorija gosudarstva Lahmidov [History of the Lakhmid State]. Moscow: ООО «Sadra», 2017.
4. *Mishin D.Ye.* Kinditskij carevich Abū-l-Djabr i sasanidskij car' Hosrov I Anushirvan [Kindite Prince Abū-l-Ġabr and Sasanid King Khusraw I Anushirwan] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie. 2019. No. 1. P. 71–84.
5. *Mishin D.Ye.* Kul'turnyj shok v otnoshenijah arabov i persov v doislamskuju epohu [Cultural Shock in the Relations between Arabs and Persians in the Pre-Islamic Epoch] // Vostochnaja Evropa v drevnosti i Srednevekov'e. No. XXXIV. Mezhdzhetnicheskie kontakty v sociokul'turnom processe. Moscow: Rossijskaja akademija nauk. Institut vseobshhej istorii, 2022. P. 190–194.
6. *Perihanjan A.G.* Sasanidskij sudebnik. «Kniga tysjachi sudebnyh reshenij» (Mātakdān ī hazār dātaštān) [Sasanid Law-Book. Book of a Thousand Judgements (Mātakdān ī hazār dātaštān)]. Yerevan: Izdatel'stvo Akademii nauk Armjanskoj SSR, 1973.
7. Annales quos scripsit Abu Djarfar Mohammed Ibn Djarir at-Tabari / Ed. by M.J. De Goeje et al. Prima series. II. Rec. J. Barth, Th. Nöldeke. Lugduni Batavorum, 1881–1882; IV. Rec. P. De Jong, E. Prym. Lugduni Batavorum, 1890; V. Rec. E. Prym. Lugduni Batavorum, 1893.
8. *Back M.* Die sassanidischen Staatsinschriften. Studien zur Orthographie und Phonologie des Mittelpersischen der Inschriften. Téhéran; Liège: Bibliothèque Pahlavi, 1978.
9. *Chaumont M.-L.* L'inscription de Kartīr à la «Ka'bah de Zoroastre» // Journal asiatique. 1960. Vol. CCXLVIII, P. 339–380.
10. *Dozy R.* Supplément aux dictionnaires arabes. Leyde; Paris: E.-J. Brill; G.-P. Maisonneuve et Larose, 1967.
11. Gedichte von Abū Baṣīr Maimūn Ibn Qais al-'A'ṣā. Hrsg. R. Geyer. London: Luzac & Co., 1928.
12. *Gignoux Ph.* Les quatre inscriptions du mage Kirdīr. Paris: L'Association pour l'avancement des études iraniennes, 1991.

13. von Grünebaum G. *Dirāsāt fī al-adab al-‘arabī* [Studies on Arabic Literature] / Transl. by I. ‘Abbās, A. Farīḥa, M.Y. Nadjm, K. Yāzidjī. Beirut: Dār al-ḥayāt, 1959.
14. Haarmann U.W. Ideology and History, Identity and Alterity: The Arab Image of the Turk from the Abbasids to Modern Egypt // *International Journal of Middle East Studies*. 1988. Vol. 20. No. 2. P. 175–196.
15. Maçoudi. *Les prairies d’or*. Vol. IV. Texte et trad. C. Barbier de Meynard. Paris, 1865.
16. Chabot J.-B. *Synodicon orientale ou Recueil des synodes nestoriens*. Paris, 1902.
17. *The Book of Arda Viraf*. Ed. by H.J. Asa. Bombay–London, 1872.
18. *The Mufaḍḍalīyāt*. Ed. by Ch.J. Lyall. Oxford: Clarendon Press, 1921.
19. *al-Akhbār al-ṭiwāl. Ta’līf Abī Ḥanīfa ... al-Dīnawarī* [Long Stories by Abū Ḥanīfa ... al-Dīnawarī]. Ed. by ‘A. ‘Āmir. Cairo: Wizārat al-thaḳāfa wa al-irshād al-ḳawmī, 1960.
20. *al-Djāḥiẓ. al-Tādīj fī akhlāk al-mulūk* [Crown[-like Book] on Characters of the Kings]. Beirut: Dār al-fikr, Dār al-biḥār, 1955.
21. *Dīwān Aws bin Ḥadjar* [Collection of Verses by Aws Ibn Ḥadjar]. Ed. by M.Y. Nadjm. Beirut: Dār Ṣādir, 1979.
22. *Dīwān Durayd Ibn al-Ṣimma* [Collection of Verses by Durayd Ibn al-Ṣimma]. Ed. by ‘U. ‘Abd al-Rasūl. Cairo: Dār al-ma‘ārif, 1985.
23. *al-Durra al-fākhira fī al-amthāl al-sā’ira li ... Ḥamza ... al-Aṣbahānī* [[Book Like] a Gorgeous Pearl on the Proverbial Sayings in Circulation by Ḥamza ... al-Iṣfahānī]. Ed. by ‘A. Ḳuṭāmish. Cairo: Dār al-ma‘ārif, 1972.
24. *Kitāb al-aghānī li ... Abī-l-Faradj al-Aṣbahānī* [Book of Songs by ... Abū-l-Faradj al-Iṣfahānī]. Ed. by A. al-Shinkīṭī. Cairo, 1905.
25. *Kitāb al-azmina wa al-amkina. Ta’līf ... al-Marzūḳī* [Book on [Terms Denoting] Time and Places by ... al-Marzūḳī]. Beirut: Dār al-kutub al-‘ilmiyya, 1996.
26. *Kitāb al-amthāl* [Book of Proverbial Sayings]. Hyderabad: Maṭba‘at Madjlis Dā’irat al-ma‘ārif al-‘uthmāniyya, 1932.
27. *Kitāb al-amthāl. Ta’līf ... Abī ‘Ubayd al-Ḳāsim Ibn Sallām* [Book of Proverbial Sayings by .. Abū ‘Ubayd al-Ḳāsim Ibn Sallām]. Ed. by ‘A. Ḳuṭāmish. Damascus: Dār al-Ma’mūn li-l-turāth, 1980.
28. *Kitāb al-‘afw wa-l-i’tidhār li Abī-l-Ḥasan Muḥammad ... al-ma‘rūf bi al-Raḳḳām al-baṣrī* [Book on how pardon was given and begged for by Abū-l-Ḥasan Muḥammad known as the Baṣrī Writer]. Ed. by ‘A. Abū Ṣāliḥ. Riyad: Djāmi‘at al-Imām Muḥammad Ibn Sa‘ūd al-islāmiyya, 1981.
29. *Kitāb al-‘ikd al-farīd. Ta’līf ... Ibn ‘Abd Rabbih* [[Book Like] A Unique Necklace by Ibn ‘Abd Rabbih]. Ed. by A. Amīn, A. al-Zayn, I. Al-Abyārī. Cairo: Maṭba‘at Ladjnat al-ta’līf wa al-tardjama wa al-nashr, 1965.

30. Kitāb al-manāḳib al-mazyadiyya fī akhbār al-mulūk al-asadiyya. Ta'lif ... al-Ḥillī [Book of Banū Mazyad's Virtues on the History of the Asadite Kings by ... al-Ḥillī]. Ed. by Ṣ.M. Darādika, M. 'A. Kharīsāt. Amman: Maktabat al-risāla al-ḥadītha, 1984.
31. Kitāb al-muḥabbar li ... Muḥammad bin Ḥabīb [Book of [Elegant] Presentation by Muḥammad Ibn Ḥabīb]. Hyderabad: Dā'irat al-ma'ārif al-'uthmāniyya, 1942.
32. Kitāb al-futūḥ li ... al-Kūfī [Book of Conquests by al-Kūfī]. Ed. by 'A. Shīrī. Beirut: Dār al-aḍwā' li-l-ṭibā'a wa-l-nashr wa-l-tawzī', 1991.
33. Kitāb tārikh sunī mulūk al-arḍ wa al-anbiyā'. Ta'lif Ḥamza ... al-Iṣfahānī [Book of the History of the Years of the Kings of the Earth and the Prophets, by Ḥamza ... al-Iṣfahānī]. Berlin, 1921/22.
34. Kitāb al-ḥayawān. Ta'lif Abī 'Uthmān ... al-Djāḥiẓ [Book of Animals by Abū 'Uthmān ... al-Djāḥiẓ]. Ed. by 'A.M. Hārūn. S.l.: Sharikat maktabat wa maṭba'at Muṣṭafā al-Bābī al-Ḥalabī wa awlādi-hi bi Miṣr, 1965.
35. Madjma' al-amthāl li ... al-Maydānī [Collection of Proverbial Sayings by ... al-Maydānī]. Ed. by M.M. 'Abd al-Ḥamīd. Cairo: Maṭba'at al-sunna al-muḥammadiyya, 1955.
36. Sīrat al-Nabī li ... Ibn Hishām [Biography of the Prophet by ... Ibn Hishām]. Tanta: Dār al-ṣaḥāba li-l-turāth bi Ṭanṭā, 1995.
37. al-Tadhkira al-ḥamdūniyya. Taṣnīf Ibn Ḥamdūn [Ḥamdūnī Treatise by Ibn Ḥamdūn]. Ed. by I. 'Abbās, B. 'Abbās. Beirut: Dār Ṣādir, 1996.
38. The History of the Ancient Iran as Narrated by al-Bal'ami. Ed. by M.J. Mashkur. Tehran: Library Khayam, 1959.
39. Tārikh al-'allāma Ibn Khaldūn [History by Ibn Khaldūn the Knowledgeable]. Cairo: Dār al-kitāb al-miṣrī, Beirut: Dār al-kitāb al-lubnānī, 1999.
40. Tārikh-i-Bal'amī [History by Bal'amī]. Ed. by M.T. Bahār Malik al-shu'arā', M.P. Gunābādī. Tehran: Kitābforūshī-i-Zawār, 1974.
41. Tārikh-i-Ṭabarī [History by al-Ṭabarī]. Kanpur, 1874.
42. Tārikh-i-Ṭabarī [History by al-Ṭabarī]. Kanpur, 1914.
43. Futūḥ al-buldān. Taṣnīf ... al-Balādhurī [Conquests of Countries by ... al-Balādhurī]. Ed. by 'A.A. al-Ṭabbā'. Beirut: Mu'assasat al-ma'ārif li-l-ṭibā'a wa-l-nashr, 1987.
44. Ferdowsi's Shahnameh. Ed. by S. Naficy. Tehran: Beroukhim, 1935.

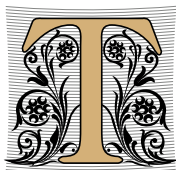

Ключевые слова:

арабы, доисламская Аравия, Сасаниды, Лахмиды.

Dmitry Ye. Mishin

ARABS' AND PERSIANS' PERCEPTION OF EACH OTHER IN PRE-ISLAMIC EPOCH

his article is an attempt to re-construct the Arabs' and Persians' perception of each other not long before the Islamic conquest of Iran. The extant sources appear to show that Arabs were, as seen by the Persians, people from the margins of the civilized world, poor and alien to the refined urban culture, but strong and quick by nature. Among the Arabs, as a verse by Durayd Ibn al-Šimma shows, there was an image of Persians as of rich people, effeminate and weak on the battlefield. This re-construction is close to Ibn Khaldūn's observations on sedentary population and nomads. The images of Arabs and Persians as presented above represent a particular case of how sedentary and nomadic populations viewed each other. Besides, the formation of the images is likely to have been affected by religious ideas held by the two nations. No documentary evidence could be found, but it is likely that Iranian Zoroastrians who rejected idolatry disapproved of traditional Arabic idol-worshipping beliefs and their adepts.

Keywords: Arabs, pre-Islamic Arabia, Sasanids, Lakhmids.

Dmitry Ye. Mishin — Ph.D. (History), Senior Research Fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

 Мишин Дмитрий Евгеньевич

кандидат исторических наук, Старший научный сотрудник
Института востоковедения Российской Академии Наук